

Тридцать два года

М. Советское искусство. 191332

Трудно говорить о человеке, вместе с которым проработал свыше 30 лет. Трудно вынуть из памяти отдельные штришки, его характеризующие.

Впервые я увидел Константина Сергеевича на сцене Художественного театра, бывшего еще в Каретном ряду, в «Дяде Ване», когда я служил еще в театре Корша. Я сразу же почувствовал, что это актер совершенно другого порядка, другого склада, совершенно иного понимания искусства, это произвело на меня сильнейшее впечатление. А через год я уже был приглашен в Художественный театр.

Первая работа, в которой я столкнулся с К. С., был «Юлий Цезарь», где я играл роль Кассия. Первые репетиции Станиславского производили на меня ошеломляющее впечатление, потому что до того времени я не привык к такому методу работы: по прежней службе приходилось играть с 5–6 репетиций. Сначала я очень растерялся, я не понял метода работы К. С. и впал в полнейшее уныние. Но постепенно он меня так захватывал, так увлекал, что не прошло и двух недель, как я полностью перешел в его веру. Правда, надо сознаться, что вера его на моих глазах менялась. Вначале он шел от внешнего к внутреннему, ища сначала внешний образ, грим, костюм, движение, походку, а потом уже переходя к внутреннему содержанию роли. И на моих глазах, на протяжении ряда лет, пришел наконец к настоящему пониманию толкования образа, к обратно-противоположному, т. е. переходя от внутреннего содержания роли к ее внешнему проявлению. Трудно уловить точно этот момент изменения метода Константина Сергеевича: я бы сказал, что последние 5–6 лет

он весь охвачен мыслями о своем новом подходе к роли. Но можно с уверенностью сказать, что если бы не было прежнего метода, то он никогда не пришел бы и к своему нынешнему пониманию толкования образа: это своего рода диалектика.

Вспоминается такой факт, характеризующий работу К. С. над произведением.

Идут репетиции «Вишневого сада» — в постановке К. С. — в присутствии автора. Репетируется второй акт. Чтобы дать настроение действию, Станиславский представляет и себе, играя Гаева, и своим партнерам, режиссируя с ними, массу комаров в саду, все время делая движения, словно он убивает комаров, заставляя и своих партнеров делать то же самое. Чехов протестует, объявляя, что ни время года, ни место действия не допускают присутствия комаров. Но Станиславский так увлекся таким способом разрешения настроения, что не хочет сдаваться. После долгих споров Чехов согласился, что одного комара можно оставить, но добавил: «Следующую пьесу напишу, где первая фраза будет: ах, как хорошо, что нет комаров».

В своей жизни я не видел не только в театре, но и в других областях искусства человека, который бы так целиком отдавался искусству, как К. С. В искусстве у него нет ни врагов, ни друзей: есть одна правда, полнейшая беспристрастность к ее воспроизведению. Никто, как он, не умеет так чувствовать на сцене пошлость, этого главного врага, мешающего его методу. Он ненавидит штампы, даже малейшие намеки на них: на этот счет он имеет абсолютный слух и абсолютное зрение. Малейшие, едва уловимые нюансы, под-

час незаметные даже опытному человеку, заставляют его невыразимо страдать. И наряду с этим — он искренне, как ребенок, радуется всякой находке актером жизненной правды на сцене.

Для Станиславского театр — главное. В театре он горит. Вот два простых факта.

Генеральная репетиция «Иванова». К. С. получает тяжелое известие, требующее его немедленного прибытия домой. Он уже в гриме, в костюме, но отмены репетиции быть не может: личное — после. Он провел всю генеральную репетицию до конца и только после этого ушел из театра.

Декабрь 1905 г. Дни восстания. В театре репетируется «Горе от ума». К. С. — весь в работе. Дает ряд ценнейших указаний актерам.

— К. С., по Москве стреляют, надо кончать.

Но он словно не слышит, о чем ему говорят, он отмахивается.

— Сейчас, сейчас! — и снова к актеру.

— К. С., стрельба идет по Тверской! — опять то же самое.

— К. С., стреляют по переулку, пули попадают в стены театра.

Но и это грозное предупреждение не оторвало его от работы. Лишь кончив репетицию, К. С., буквально под выстрелами, причась и крадучись, благополучно добрался домой.

Вспоминая свою работу с К. С., я горжусь тем, что я не только его современник, но что из своей 37-летней актерской жизни — я 32 года прожил бок о бок с этим исключительным человеком, деля с ним и радости и печали.

Нар. арт. Л. ЛЕОНИДОВ